

**Великий
Гэтсби**

**The Great
Gatsby**

CHAPTER 1

In my younger years my father gave me some advice. “Whenever you feel like criticizing any one,” he told me, “just remember that all the people in this world haven’t had the advantages that you’ve had.”

He didn’t say any more but I understood that he meant a great deal more than that. A habit to reserve all judgments has opened up many curious natures to me. In college I was privy to the secret grief’s of wild, unknown men.

When I came back from the East last autumn I felt that I wanted the world to be in uniform. I wanted no more riotous excursions with privileged glimpses into the human heart. Only Gatsby, the man who gives his name to this book, was exempt from my reaction—Gatsby who represented everything for which I have an unaffected scorn.

There was something gorgeous about him, some heightened sensitivity to the promises of life, as if he were related to one of those intricate machines that register earthquakes ten thousand miles away. It was

ГЛАВА 1

В юношеские годы мой отец дал мне один совет.

— Если тебе вдруг захочется осудить кого-то, — сказал он мне, — помни, что не у всех людей в этом мире были такие же преимущества, как у тебя.

Он больше ничего не сказал, но я понял, что в его словах заключался более глубокий смысл. Привычка сдерживать суждения открыла для меня множество любопытных натур. В колледже я был посвящён в тайные горести сумасбродных и непредсказуемых людей.

Когда я вернулся прошлой осенью с Востока, то почувствовал, что хотел бы видеть весь мир облачённым в униформу. Мне больше не нужны были увлекательные вылазки с привилегией заглядывать в человеческие души. Только Гэтсби, чьим именем названа эта книга, был исключением — Гэтсби, который представлял собой всё, что я искренне презирал.

В нём было нечто великолепное, некая обострённая чувствительность к посулам жизни, словно он был частью одной из тех сложных машин, которые регистрируют землетрясения на

Chapter 1

an extraordinary gift for hope, a romantic readiness such as I have never found in any other person.

My family has been prominent, well-to-do people for three generations. The Carraways are something of a clan and we have a tradition that we're descended from the Dukes of Buccleuch, but the actual founder of my line was my grandfather's brother who came here in fifty-one and started the wholesale hardware business that my father carries on today. I never saw this great-uncle but I look like him—I saw a painting that hangs in father's office.

I graduated from New Haven¹ in 1915, just a quarter of a century after my father, and a little later I participated in the Great War. Then I decided to go East and learn the bond business. Father agreed to finance me for a year and after various delays I came East, permanently, I thought, in the spring of twenty-two.

The practical thing was to find rooms in the city but it was a warm season, so when a young

¹ New Haven — имеется в виду Йельский университет (который находится в городе Нью-Хейвен)

расстоянии десяти тысяч миль. Это был редкостный дар надежды, романтическая готовность, которой я никогда не находил ни в каком другом человеке.

Моя семья состояла из видных, зажиточных людей на протяжении трёх поколений. Каррауэи — это нечто вроде клана, и, согласно преданию, мы приходим от герцогов Баклю, хотя фактическим родоначальником моей линии был брат моего дедушки, который приехал сюда в 1851 году и начал своё дело по оптовой торговле скобяными товарами, которое мой отец продолжает до сих пор. Я никогда не видел своего двоюродного деда, но я похож на него: я видел портрет, который висит в конторе отца.

Я закончил Йельский университет в Нью-Хейвене в 1915 году, ровно через четверть века после своего отца, и немного позже участвовал в Первой мировой войне. Затем я решил двинуться на Восток и изучить биржевое дело. Отец согласился финансировать меня в течение года, и после различных задержек весной 1922 года я приехал на Восток, как мне думалось, навсегда.

Было разумно найти жильё в городе, но близилось лето, и когда один молодой человек из офиса предложил мне снять дом вместе с ним, это показалось прекрасной мыслью. Он нашёл дом, картонную хибару, за восемьдесят долларов в месяц.

Chapter 1

man at the office suggested that we take a house together it sounded like a great idea. He found the house, a cardboard bungalow at eighty a month. I had an old Dodge and a Finnish woman who made my bed and cooked breakfast, and muttered Finnish words to herself over the electric stove.

One morning some man stopped me on the road.

“How do you get to West Egg village?” he asked helplessly.

I told him. I was a guide, a pathfinder, an original settler. The life was beginning over again with the summer.

There was so much to read. I bought a dozen volumes on banking and credit and investment securities and they stood on my shelf in red and gold.

I lived at West Egg. I rented a house in one of the strangest communities in North America. It was on that slender riotous island which extends itself due east of New York. My house was between two huge

У меня был старый «додж» и финская горничная, которая прибирала кровать и готовила завтрак, а также бормотала себе под нос по-фински над электрической плитой.

Однажды утром некий человек остановил меня на дороге.

— Как пройти в посёлок Уэст-Эгг? — спросил он беспомощно.

Я сказал ему. Я был гидом, первооткрывателем, первым поселенцем. Летом жизнь начиналась по новой.

Надо было много всего прочитать. Я купил дюжину томов по банковскому и кредитному делу, по инвестиционным ценным бумагам, и они стояли на моей полке, сверкая красными и золотыми корешками.

Я жил в Уэст-Эгге. Я арендовал дом в одном из самых странных посёлков в Северной Америке. Он находился на длинном, с буйной растительностью острове, который простирался к востоку Нью-Йорка. Мой дом стоял между двумя огромными виллами, которые снимали за двенадцать

Chapter 1

places that rented for twelve or fifteen thousand a season. The one on my right was Gatsby's mansion.

Across the bay the white palaces of fashionable East Egg glittered along the water, and the history of the summer really begins on the evening I drove over there to have dinner with the Buchanans. Daisy was my second cousin. Her husband's name was Tom. I'd known Tom in college. And just after the war I spent two days with them in Chicago.

Tom's family was enormously wealthy—even in college his freedom with money was a matter for reproach. Why they came East I don't know. This was a permanent move, said Daisy over the telephone, but I didn't believe it. They had spent a year in France, for no particular reason, and then drifted here and there, wherever people played polo and were rich together.

And so it happened that on a warm windy evening I drove over to East Egg to see two old friends whom I scarcely knew at all. Their house was even more elaborate than I expected. The lawn started at the beach and ran toward the front door for a quarter of a mile. The front was broken by a line of French windows, glowing now with reflected gold, and wide open to the warm windy afternoon, and Tom Buchanan in riding clothes was standing on the front porch.

или пятнадцать тысяч долларов в сезон. Вилла справа от меня была особняком Гэтсби.

На другой стороне залива над водой сверкали белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга, и история этого лета, на самом деле, начинается с того вечера, когда я приехал туда, чтобы пообедать с Бьюкененами. Дэйзи была моей троюродной сестрой. Её мужа звали Том. Я знал Тома в колледже. И сразу после войны я пару дней гостил у них в Чикаго.

Семья Тома была чрезвычайно богата — ещё в колледже его свобода распоряжаться деньгами вызывала нарекания. Я не знаю, почему они приехали на Восток. «Мы решили осесть», — сказала Дэйзи по телефону, но я этому не поверил. Они провели год во Франции, не имея определённой цели, затем перемещались туда-сюда, всюду, где люди играли в поло и были богаты.

И вот, случилось так, что одним тёплым ветреным вечером я поехал в Ист-Эгг повидать двух старых друзей, которых едва вообще знал. Их дом оказался ещё изысканнее, чем я ожидал. Газон начинался на берегу и четверть мили тянулся до передней двери. Фасад был прорезан линией французских окон, сверкавших отблесками золота и распахнутых навстречу тёплому ветреному дню. Том Бьюкенен в костюме для верховой езды стоял в дверях.

Chapter 1

Tom had changed since his New Haven years. Now he was a sturdy straw haired man of thirty with a rather hard mouth and a supercilious manner.

He could not hide the enormous power of his body. It was a body capable of enormous leverage—a cruel body.

His voice was a gruff husky tenor. “Now, don’t think my opinion on these matters is final,” he seemed to say, “just because I’m stronger and more of a man than you are.” We were in the same Senior Society, and while we were never intimate I always had the impression that he wanted me to like him.

We talked for a few minutes on the sunny porch.

“I’ve got a nice place here,” he said. He turned me around, politely and abruptly. “We’ll go inside.”

We walked through a high hallway into a bright rosy-colored space. The windows were ajar and gleaming. A breeze blew through the room, blew curtains in at one end and out the other like pale flags.

The only completely stationary object in the room was an enormous couch on which two young women were lying. They were both in white. I stood for a

Со времён Нью-Хейвена Том изменился. Теперь он был крепким тридцатилетним мужчиной с соломенного цвета волосами, чётко очерченным ртом и надменными манерами.

Он не мог скрыть огромную силу своего тела. Это было тело, обладавшее сокрушительной силой, жестокое тело.

Его голос был грубым хриплым тенором. «Что ж, не считайте моё мнение по этому вопросу непрекаемым, — казалось, говорил он, — только потому, что я сильнее и вообще вам не ровня». Мы состояли в одном студенческом обществе, и, хотя мы никогда не были близки, у меня всегда было впечатление, что он стремился мне понравиться.

Мы поговорили несколько минут, стоя на зали- том солнцем крыльце.

— У меня здесь хорошо, — сказал он. Он развернул меня, вежливо, но резко. — Пойдём внутрь.

Мы прошли через огромный холл и попали в ярко-розовое пространство. Окна были приоткрыты и блестяли. В комнату дул ветерок, трепля занавески, похожие на бледные флаги.

Единственным неподвижным предметом в комнате была огромная кушетка, на которой лежали две молодые женщины. Обе они были в бе-

Chapter 1

few moments listening to the whip and snap of the curtains and the groan of a picture on the wall.

Tom Buchanan shut the rear windows and the caught wind died out about the room. The younger of the two was a stranger to me. She was completely motionless and with her chin raised a little.

The other girl, Daisy, made an attempt to rise. She leaned slightly forward—then she laughed, an absurd, charming little laugh, and I laughed too and came forward into the room.

“I’m p-paralyzed with happiness.”

She laughed again, and held my hand for a moment, looking up into my face.

She murmured that the surname of the other girl was Baker. Miss Baker’s lips fluttered, she nodded at me and then quickly tipped her head back again.

I looked back at my cousin who began to ask me questions in her low, thrilling voice. Her face was sad and lovely with bright things in it, bright eyes and a bright passionate mouth.

лом. Я постоял некоторое время, прислушиваясь к хлопанию занавесок и скрипу картины на стене.

Том Бьюкенен затворил окна, и пойманный ветер замер в комнате. Младшая из этих двух женщин был мне незнакома. Она была полностью неподвижна, лишь её подбородок был немного приподнят.

Другая девушка, Дэйзи, сделала попытку встать. Она наклонилась немного вперёд, потом засмеялась нелепым очаровательным смешком, и я тоже рассмеялся и шагнул в комнату.

— Я п-п-п-парализована от счастья.

Она снова засмеялась и на мгновение удержала мою руку, изучая моё лицо.

Она прошептала, что фамилия другой девушки — Бейкер. Губы мисс Бейкер шевельнулись, она кивнула мне, а затем снова быстро отклонила назад свою голову.

Я снова посмотрел на кузину, которая принялась задавать мне вопросы своим низким, волнующим голосом. Её лицо было грустно и прекрасно — на нём сильно выделялись сверкающие глаза и яркий чувственный рот.